

БОРИС НИКОЛАЕВИЧ, ПОЗВОНИТЕ ДУДАЕВУ

Войну в Чечне можно прекратить за пятнадцать минут, из которых десять пойдет на установление телефонной связи Ельцина с Дудаевым, а пять — на разговор, в котором Ельцин предлагает встречу и переговоры без предварительных условий. Это совершенно ясно. Но ясно и одно условие, которое обязательно должно предварять эти переговоры, ибо без него они бессмысленны. Это условие — согласие России на независимость Чечни. Можно договориться с чеченцами и удержать за Россией северную, заселенную русскими часть Чечни. Можно придумать какой-нибудь переходный период или какую-нибудь формулу типа «ассоциированного членства в Российской Федерации». Но суть от этого не меняется. Мира можно достичь за пять минут, если мы готовы отдать Чечню чеченцам. Попробуем, однако, спокойно взвесить все «за» и «против» такого акта.

Я совершенно не согласен с «романтическими» идеями о праве наций на самоопределение. Право наций на самоопределение — нечто слишком туманное: и в силу неопределенности понятия нация (хуту и тутси — нации? цыгане — нация?), и в силу полной невозможности найти справедливый принцип, определяющий, какая территория какой нации принадлежит. Относительный порядок в мире держится не на этом праве, а на ином правовом принципе — принципе нерушимости границ. Уже пятьдесят лет ни одно государство не расширяло территории за счет соседей, во всяком случае, мировое сообщество не признавало таких расширений и в конце концов вынуждало «завоевателей» уйти с захваченных территорий. Помощь сепаратистским движениям считается преступлением, и лишь несколько таких движений (фактически, только бангладешское и эритрейское) смогли добиться своего.

Как любой закон, любой правовой принцип, принцип суверенитета — несправедлив, или, во всяком случае, не полностью справедлив. В этом отношении он очень близок к принципу собственности. Несправедливо, что в силу обстоятельств рождения, без всяких личных заслуг, кто-то богат, а рядом, может быть, во много раз более достойный человек — беден. И также несправедливо, что есть государство Индия, но нет государства Пенджаб или Кашмир, есть Франция, но нет Корсики, что испанцы — «выше статусом», чем баски, русские — чем татары, грузины — чем абхазы.

Но если бедные во имя справедливости станут просто грабить богатых — будет хаос и во много раз большая несправедливость, чем несправедливость от неравномерного и незаслуженного, связанного с обстоятельствами рождения, распределения богатства. И также хаос и несправедливость воцарятся, если государства перестанут признавать нерушимость границ. Поэтому никто в мире не признал и не признает независимость Чечни (если, конечно, мы сами не признаем), и фактически мир признает наше право подавлять чеченцев, даже вооруженным путем. Поэтому Ельцин, безусловно, имеет полное право Дудаеву не звонить и продолжать посылать наших солдат умирать и убивать чеченцев.

Но право — это лишь право. От него можно и отказаться. Никто не имеет права отнять собственность. Но никто не может помешать ее подарить. Кроме права есть еще и мораль, и просто соображения выгоды. Что же говорят нам по поводу независимости Чечни мораль и выгода?

Начнем с морали, с совести. Вообще, когда какой-то маленький народ стремится к независимости от большого народа (соотношение численности чеченцев и русских — 1 к 150), всегда возникают естественные жалость и сочувствие к маленькому. Это не значит, что маленьким всегда надо уступать. Во имя законности и правопорядка сильный может быть даже обязан подавить разбушевавшегося слабого. Но это всегда чуть-чуть стыдно. В нашем же случае ряд обстоятельств делают подавление чеченцев особенно постыдным.

Совсем недавно распался СССР. Он распался на республики, которые теоретически когда-то добровольно вступили в Союз, сохранив право выхода из него, этим правом воспользовались, что и было признано мировым сообществом. Все — по закону. Но все мы отлично знаем, что за этой законностью кроется несправедливость произвольных границ между республиками, которые устанавливались тогда, когда никто и думать не мог, что они станут межгосударственными, и правовой иерархии народов. По закону Белоруссия имела право выхода из СССР, ибо она — союзная республика, а Чечня — нет, ибо она — автономная. Но «по совести» нет народа, который больше бы имел право на независимость, чем чеченцы. Нет народа, который больше бы сопротивлялся российскому завоеванию. Очень немного народов, которые так пострадали от нас, как чеченцы. Фактически они в 1991 году уже получили независимость, и мы ее даже как бы признали.

Никто и никогда не убедит чеченцев, что правовое различие статусов союзной и автономной республики так важно, что они не имеют право на свободу, а никогда за нее не боровшиеся белорусы — имеют. Чеченцы — маленький, измученный нами и загнанный судьбой в угол народ, и нормальное человеческое чувство подсказывает, что мы должны просто пожалеть их и дать им то, к чему они так стремятся, даже если юридически это им и не принадлежит. Подавление Чечни — во много раз более аморально, чем подавление Азербайджаном Карабаха (здесь речь идет не о маленьком народе, а о части большого народа, имеющего соседнее независимое государство), или подавление Грузией Абхазии (в Абхазии абхазов — только 18 процентов, и независимость Абхазии означала бы признание результатов устроенной абхазами с нашей помощью этнической чистки).

Единственное оправдание подавления Чечни — это защита целостности России, фактически — защита российской собственности. Целостность России — это действительно ценность. Но, во-первых, потеря крохотного кусочка нашей громадной территории (около одной тысячной) реально этой целостности не грозит, во-вторых, хотя эта целостность — ценность, это не такая уж ценность, чтобы из-за нее нельзя было поддаться естественному чувству жалости к маленькому и измученному народу, которого мучили-то мы. Для России освободить Чечню — это все равно что для богача, у которого амбары ломятся от хлеба (его, законного), отдать немного этого хлеба голодающим людям, юридического права на этот хлеб не имеющим. Совесть, таким образом, говорит: отдай, подними трубку и прекрати за пять минут бойню, которой можно найти юридические оправдания, но нельзя найти оправданий моральных.

Но что же говорят нам соображения выгоды? В конце концов, все мы — люди и не всегда поступаем по совести. Может быть, подавление Чечни — дело морально не очень чистое, но настолько выгодное, что бог с ней, с моралью? Но если думать не о выгоде отдельных лиц, а о «выгоде» для русского народа в целом, о том, способствует ли эта война безопасной, «нормальной» жизни этого и следующего поколений русских, мы должны признать, что соображения «выгоды» диктуют нам то же, что и совесть. И дело не в том, что в Чечне гибнут

русские солдаты и вылетают в трубу миллиарды и миллиарды. Дело в том, что все это — зря. Чечню мы в конце концов все равно будем вынуждены отдать чеченцам.

Я не думаю, что теперешний позор, когда элита русской армии, руководимая сразу двумя силовыми министрами (слова «силовые министры» всегда вызывают в памяти пословицу: «Сила есть — ума не надо»), не может справиться с небольшой группой боевиков, после чего для оправдания эти министры выдумывают всякие фантастические истории, — в принципе непреодолим. Можно навести элементарный порядок в армии и в конце концов чеченцев задавить. Русских — 150 миллионов, и как бы отчаянно чеченцы ни сопротивлялись, подавить их мы сможем — можно, в конце концов, в каждое селение поместить по батальону. Но подумаем, к чему это приведет.

Интегрировать чеченцев в Россию, сделать так, чтобы они удовлетворились какой-либо автономией — задача нереальная. Чеченцы — слишком чуждый нам культурно, слишком обособленный, живущий по своим законам и нормам, и слишком ненавидящий русскую власть народ, чтобы представить, что они могут когда-нибудь стать таким же мирным меньшинством, как мордва или марийцы. Подавить сейчас чеченцев будет означать: теперешние чеченские мальчишки будут расти, мечтая стать новыми Джохарами и Шамилями. И когда подрастут — станут.

Подавляя Чечню, Россия как бы заглатывает бомбу с часовым механизмом, которая через двадцать лет обязательно взорвется. И этот новый взрыв будет значительно мощнее теперешнего. И прежде всего потому, что закономерный процесс развития современного мира делает развитые общества все более хрупкими и незащищенными от отчаявшихся меньшинств (почему современные государства и стараются никого до отчаяния не доводить). Когда русские воевали с Шамилем (не Басаевым, а имамом), Петербург мог быть абсолютно спокоен — мюриды до него никогда бы не доскакали. Еще совсем недавно самым страшным вообразимым террористическим актом был взрыв на железной дороге. Сейчас группа смертников может захватить АЭС. Пока этого еще не было, но до Чернобыля и аварий на АЭС такого масштаба тоже не было. А через двадцать лет наука придумает что-нибудь новое, делающее наш мир еще более хрупким. Поэтому бомба, которую, подавляя чеченцев, мы сейчас «заглатываем», готовим для наших детей, — это очень мощная бомба.

Не всякое расширение территории — это благо и сила, не всякое уменьшение — ослабление. Если на минутку вообразить, что исполнилась бы мечта ЛДПР и мы покорили бы Афганистан, Пакистан, Иран и Турцию, это означало бы только одно — исчезновение русского народа. Покорение Чечни — это, конечно, не покорение Турции. Но и это — значительное ослабление России, ее повышенная «хрупкость» и неизбежность для нее очень больших бед в будущем. Таким образом, не только естественное моральное чувство подсказывает президенту — «сними трубку», но то же самое подсказывает и ответственность перед Россией и ее будущим, и соображения выгоды для нашей страны и народа.

Но ясно, что дозваниваться Дудаеву Ельцин не будет. Этого даже вообразить невозможно. Не сможет он признать, что был не прав, за шесть месяцев до выборов. Не сможет он отдать Чечню чеченцам, когда в обществе усиливается ностальгия по СССР, по порядку, по сильному государству. Наша элита (фактически — вся) сделала свои карьеры в советское время тем, что говорила начальству то, что ему было приятно слышать. Сейчас прибавилось еще одно начальство — далекое, темное, легко поддающееся на обман, но все же требующее, чтобы его учитывали, — народ. И наши политики так же чутко прислушиваются к народу и так же врут ему в глаза, как раньше — Брежневу. И

когда в 1989—1992 гг. в народе господствовали антисоюзные настроения, Ельцин готов был не только отдать Прибалтику хотевшим этого прибалтам, но заодно и Белоруссию — не хотевшим этого белорусам. Сейчас настроения, вроде бы, изменились, и теперь он же будет завоевывать Чечню. Реально же о народе наши начальники думают ровно столько, сколько в свое время они думали о социализме и о КПСС. Поэтому не будет Ельцин звонить. Все будет продолжаться так, как уже идет, — мы будем долго покорять Чечню, камуфлируя свою импотенцию жестокостью и ложью, и будем готовить бомбу под Россию 2020 года. А когда эта бомба рванет, наши дети все равно Чечню отпустят.